

Женя Гравис

Лето

в

Российской

Империи

Андря Кузнецова

Александра Лавалье

Виктор Дашкевич

Игорь Евдокимов

Тимур Суворкин

Дарья Эпштейн

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л52

Иллюстрация на форзаце и нахзаце AquARTis (*Елена Калюжная*)

Иллюстрации в блоке Zioгге, Raskoraka (*Валерии Кобыльченко*),
Kateshi Kittano, Mary Iv (*Мария Иванова*)

Редактор серии *Анастасия Осминина*

Оформление серии *Янины Клыла*

Л52 **Лето** в Российской империи: сборник рассказов / Виктор Дашкевич, Дарья Кузнецова, Александра Лавалье, Игорь Евдокимов, Женья Гравис, Тимур Суворкин, Дарья Эпштейн. – Москва : Эксмо, 2026. – 480 с.

ISBN 978-5-04-242963-7

Жаркие полуденные часы, чаепития на веранде, яхты и променады по набережной в Ялте... и бал под лучами яркого июньского солнца.

В Российскую империю приходит лето.

А вместе с ним – и новые дела для героев Виктора Дашкевича, Игоря Евдокимова, Жени Гравис, Дарьи Кузнецовой, Александры Лавалье, Тимура Суворкина и Дарьи Эпштейн.

Графу Аверину предстоит расследовать похищение на Валааме по просьбе матушки-настоятельницы, Владимир Корсаков, скучая на отдыхе в Звенигороде, раскроет тайну странных смертей вместе с доктором Чеховым, Парослав Котельников расскажет еще одну главу своих мемуаров о службе на морском побережье.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-242963-7

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

ДАРЬЯ КУЗНЕЦОВА

Шкатулка с секретом

5 июня 1913 года, где-то в Черном море

Надворный советник и заместитель начальника сыскной полиции Петрограда Шуховской изнывал от жары и скуки.

Круиз еще только начался, всего несколько часов минуло, как «Княгиня Ольга» покинула Севастополь и вышла в открытое море. Лишь три дня тому назад они с супругой погрузились на дирижабль из столицы в Таврию, а море, жара и отдых успели ему осточерть. Больше, конечно, погода. После свежего, привычного петроградского лета здешний зной казался удушающим, и ведь это еще июнь! Благо в каютах царила приятная прохлада, но надолго ли эта радость?

Его бы воля, пропади пропадом этакий отдых: на службе, в охоте за ворами да душегубами, он чувствовал себя много увереннее, чем на борту шикарного парохода среди разодетых и блистательных пас-

сажиров первого класса. Добавляли волнения и мысли о прошлогодней трагедии, здорово подкосившей популярность морских путешествий. Шуховской не терзал, подобно другим пассажирам, представителя владельцев судна вопросами о надежности, количестве шлюпок и соблюдении всех мер безопасности, но слушал очень внимательно. Хлыщеватый тип по фамилии Лейнц клялся и божился, что безопасность на высочайшем уровне, но доверия своей наружностью не внушал.

Александр Александрович вообще старался изнывать стоически, помалкивая о своем недовольстве. Доктор настоятельно рекомендовал южный морской климат и круиз его супруге, в мае с трудом оправившейся от пневмонии. Что Шуховской мог на это возразить? Только всячески поддерживать ее, приободрять и не позволять думать о дурном.

Агата Германовна и впрямь заметно ожила, когда они сошли с борта дирижабля в Севастопольском воздушном порту, потом с детским восторгом разглядывала большой пароход, а после обживала просторную каюту, в которой им предстояло провести грядущую пару недель.

— Мой дорогой, вы столь выразительно тоскуете о своих каторжниках, что мне впору нешуточно ревновать. — Конечно, от внимательного взгляда супруги его настроение не укрылось. — Неужто вам настолько не мила эта прогулка? Позвольте, вы снова бог знает как повязали галстук...

— Не так плох круиз, сколько общество, — ворчливо сознался Шуховской, покорно предъявляя гал-

стучный узел ловким рукам. — Все эти дамы в бриллиантах, господа во фраках за ужином... А лучше бы тихо, по-домашнему! И Евдокииных щей тут не дожждаться...

Агата улыбнулась, поправив узел, и проговорила:

— Вам по службе с ними тяжело, а здесь — не съедят же они нас, право слово, вместо щей! Будто впервые в светском обществе, Александр Александрович, стыдно.

Был он в подобном обществе, конечно, не впервые, но в последние три года, как занял нынешнюю должность, всего себя Шуховской отдавал службе и выбираться стал редко, вот разве что в театр с супругой, а там не столь много общения. Да где угодно его меньше! А здесь небольшая тесная компания, и всех отдушин — только прогулки в попутных городах. И то с теми же людьми вместе!

Агата Германовна от затворничества супруга не особенно страдала: у нее хватало в Петрограде подруг, с которыми можно собраться за чаем и обсудить литературные новинки, рукоделие и дела семейные, а на больших вечерах и делать было пока нечего. Старшая дочка вся в учебе, меньшей выезжать рано, а сыновья, слава богу, все достаточно самостоятельные. Тихие семейные торжества добрых знакомых не обременяли даже Шуховского.

— То один вечер вытерпеть, а то с утра до ночи, — ворчливо озвучил он свое недовольство.

— Идемте, я уверена, среди них отыщутся прекрасные люди, и вы непременно составите себе чудесное общество на это плавание. А от жары мы

здесь, на этой палубе, надежно укрыты, она оборудована вещевым оградителем. Его включают в ночную прохладу, и он позволяет сохранить эту температуру внутри, защитившись от наружного зноя.

— Откуда вы знаете? — удивился Александр. Супруга обожала читать, порой откровенно поражала его размахом любознательности и иной раз рассказывала такое, о чем Шуховской и думать не мог. Но про оборудование корабля-то где успела узнать?!

— К счастью, читать я все еще могу, — развеселилась она и подобрала с туалетного столика печатную брошюру с описанием «Княгини Ольги». — Вот, полюбуйтесь, я уже имела удовольствие ознакомиться, пока вы освежались. Занятная вещица, много интересного пишут. Идемте, я все расскажу...

Театр и светские салоны Шуховской поминал не напрасно, интерьеры на палубе были очень в духе, почти дворцовыми. Элегантные витражи, отделка дорогим деревом, блестящие латунные ручки и хрустальные люстры, дорогие ковры и наборный паркет... Если бы пол не покачивался мерно, пусть и слабо, впору забыть, что находишься на корабле. Сюда даже шум и дрожь могучих паровых машин не доносились — от лишних звуков благородных пассажиров тоже оберегали.

Каюта Шуховских, самая скромная в первом классе, тоже больше походила на номер хорошей гостиницы, а уж убранство императорского люкса наверняка соответствовало громкому званию. Ага-

та успела выяснить, что в нем и впрямь поселилась особа великокняжеских кровей с супругой.

Салон также прекрасно отвечал своему званию и уровню. Здесь к услугам публики была пара ломберных столиков, шахматы, журналы, книги, музыка — в углу на возвышении скучали инструменты для небольшого оркестра, а рядом с ними красовался рояль. За последним юная барышня рассеянно листала нотную тетрадь.

Общество собралось небольшое — палуба первого класса вмещала до двадцати пассажиров — и действительно блестящее. Впрочем, беспокоился Александр Александрович напрасно: собравшиеся путешественники находились в приподнятом расположении духа, атмосфера воцарилась весьма непринужденная. Знакомились запросто — все равно некому было представить пассажиров друг другу; столь же запросто разбивались по интересам, обсуждали что-то с воодушевлением — таким, которого никогда не услышишь в салонах.

Шуховской опомниться не успел, как нашел себя за вистом в обществе жены, баронессы Меллер и ее племянника, подпоручика Пешкова, который сопровождал пожилую тетушку и скучал еще более отчаянно, нежели полицейский чиновник: его сверстников в салоне первого класса не наблюдалось. Только девица за роялем, которая принялась за несложную пьесу, но над той коршуном парила строгая матушка с таким взором... Александр отлично понимал поручика: не столь уж хороша была девица, чтобы ради нее так рисковать. За картами спокой-

нее, даже с тетушкой. И все же не попытаться удрать он не мог.

— Ничего, Сереженька, с тобой не произойдет, если не помчишься прямо сейчас заводить знакомства во втором классе, — холодно осадила его тетка на предложение найти другого, более опытного игрока. — Составите вот пару господину Шуховскому, а мы с его супругой вас охотно обставим.

Мужчины переглянулись — и ощутили в это мгновение поразительное родство душ. Возражать не стали оба, и оба же, к собственному удивлению, вскоре увлеклись игрой.

Сухая, долговязая, едкая и острая на язык баронесса с седой прической, собранной под старомодную маленькую шляпку с цветами и перьями, составляла замечательный контраст Агате Германовне. Маленькая, кругленькая, улыбчивая, в новенькой широкополой соломенной шляпке с лентами и почти без седины в светло-русых волосах — она никогда не была красавицей, но всегда обладала живым очарованием, которое с возрастом ничуть не померкло.

И держались за игрой они точно так же, как выглядели. Меллер отпускала колючие насмешки, не щадя и себя саму, когда делала неудачный ход или неловко брала карту. У нее заметно подрагивали руки, и, как бы баронесса с этим ни боролась, победить старость не хватало даже ее характера. Зато Агата ловко смягчала острые углы в разговоре, притупляла ядовитые шпильки невинными добродушными замечаниями и теплыми улыбками. Их ста-

раниями завязавшаяся непринужденная беседа пришла по нраву всем участникам.

— Ах, вы сыщик? — заинтересовалась баронесса, когда Агата вскользь упомянула службу супруга. — Что ж, если меня убьют из-за наследства, можно быть покойной, что хотя бы здесь убийца не убежит от лап правосудия.

— Какое убийство, тетушка? Бог с вами, вы скорее трагически погибнете от отравления, прикусив язык, — не удержался Сергей. — По какой статье подобное происшествие следует рассматривать, Александр Александрович?

— Современная следственная практика подобных случаев не помнит, — невозмутимо отозвался тот. — Если происшествие случайное — то и полиции до него дела нет, а если кем-то подобный укус спровоцирован — то можно и поработать.

— Надеюсь, наше путешествие пройдет без подобных эксцессов, — укоризненно посмотрела на мужа Агата. — Право слово, довольно и в Петрограде сомнительных смертей. Едва ли найдется глупец, готовый совершить преступление в столь тесном обществе и ограниченном пространстве.

— Вы не правы, моя дорогая, — возразила баронесса. — Если бы преступник понимал, что его поймут, он никогда бы не совершил своего злодеяния. Корабль не столь уж мал, народу здесь прорва, зато и жертва под рукой. Верно я говорю, Александр Александрович?

— Вы рассуждаете как заправский сыщик, Елизавета Аркадьевна. Но все же я надеюсь, что обойдется

без трагических происшествий, — поспешил добавить он, поймав новый осуждающий взгляд супруги.

— Как знать, — поджала губы Меллер. — Нынче весь мир словно с ума посходил. Террористы, лозунги, свары, всем крови подавай...

Продолжить разговор они не смогли: всех пригласили к ужину, где к их четверке за столом присоединились новые люди. Графиня Дольская, великолепная ухоженная статная дама неопределенного возраста, с крупными сапфирами в ушах и прическе, была одета по моде начала века, но ей, с ее стройной фигурой, этот фасон очень шел, подчеркивая тонкую талию. С ней же оказался грузинский князь Геловани — импозантный мужчина с повадками стареющего ловеласа, — который благоразумно переключился с юных прелестниц на особ постарше. Поначалу он расточал комплименты всем дамам, но получил пару досадных ранений от острого как бритва языка баронессы и отступился от нее, а там и вовсе сосредоточился на вдовой графине, осознав, что Агата Германовна с мужем, который явно не потерпит лишнего.

— Скажите, ваше сиятельство, — обратилась к Дольской баронесса вскоре после первого блюда (пусть не любимые домашние щи, по которым Александр тосковал, но уха вышла весьма недурственной). — Вы не из московских ли Дольских? Знала я одного господина вашей славной фамилии... — мечтательно (или мстительно?) сощурилась она.

— К сожалению, ничего не могу сказать о том господине, госпожа баронесса, — невозмутимо отозва-

лась графиня. — Род моего покойного супруга, светлая ему память, происходит из Владимирской губернии, там и родня его проживает.

— Как вдова вдове могу только выразить восхищение, что супруг оставил вас с достойным наследством. Прекрасные сапфиры, — с желчной усмешкой проговорила Меллер. — Фамильные?

— Нет, сделанные по заказу. — Графиня и бровью не повела в ответ на замечание, граничившее с оскорблением. — Я бы все отдала, лишь бы Алеша вернулся с той проклятой войны живым, но Господь распорядился иначе.

— Очень сочувствую вашему горю, — тихо проговорила Агата, неосознанно коснувшись руки мужа.

— Благодарю, — сдержанно улыбнулась та. — Но прошу, давайте о другом. Мне кажется, войны и потери — весьма неподходящая тема для застольной беседы. Тем более в такое тревожное время, в преддверии новой смуты...

— Ну что вы, ваша светлость! — поспешил утешить ее князь. — Не думайте, война решительно невозможна, Государь этого не допустит!

— Да, разумеется, — бледно улыбнулась она. — Простите, подобные воспоминания всегда заставляют меня думать о дурном...

Меллер явно так не считала, но, оказавшись в очевидном меньшинстве, сосредоточилась на ужине, лишь изредка отпуская колкие комментарии, но больше не цепляясь к Дольской столь прицельно и упрямо. Они как будто не были знакомы раньше, и совершенно непонятно, отчего баронесса так не-

взлюбила с первого взгляда сдержанную, элегантную попутчицу. Может, именно за это?..

Болтал больше Геловани, но беседу вел весьма ловко — когда этому не мешала баронесса. Ей он перечить то ли не смел, то ли не умел и каждый раз терялся, однако быстро брал себя в руки. Дольская его внимание принимала благосклонно, и князь буквально расцветал от каждого обращенного к нему слова.

После ужина вернулись к оставленной партии, но прежнее удовольствие от игры не вернулось. Баронесса сделалась невнимательна настолько, что даже Агата не выдержала:

— Скажите, Елизавета Аркадьевна, что вас так расстроило? Я могу чем-то помочь?

— Вы добрая душа, дорогая Агата Германовна, это редкое качество. Куда чаще встречаются лжецы и лицемеры. Все лгут. — Она метнула короткий острый взгляд куда-то в салон. В графиню или князя? Или в кого-то еще, вышедшего только к ужину? — Не обращайтесь внимания. Во мне слишком много желчи, вот она и ударила в голову, и та разболелась, — сухо улыбнулась она. — Простите старуху, я пойду прилягу. Серж, ступайте развлекаться.

Ходила она, опираясь на отделанную красным деревом трость с серебряным набалдашником в виде головы лошади, и, хотя старалась не хромать, все равно чувствовалось, что каждый шаг дается с трудом и держится она на одной только нестигаемой воле.

Поскольку партия на том закончилась, а Сергей, извинившись, и правда удрал из салона первого класса, Шуховской предложил супруге уйти в каюту.

— Знаете, дорогая Агата, — задумчиво заключил он, — вы, как всегда, были правы. Тут действительно собралось весьма занятное общество...

* * *

7 июня 1913 года

Первая остановка парохода состоялась в Варне. Кто-то из пассажиров, включая чету Шуховских, с большим удовольствием прогулялся по старинным улочкам и поужинал в местном заведении, которое воспринималось уже изрядной экзотикой, хотя, казалось бы, все знакомое, те же блюда можно и в Петрограде найти.

Погода проявила снисхождение и разбавила жару приятным ветром с моря, так что время прошло чудесно. Не горевали, впрочем, и те, кто не пожелал спускаться на берег, подобно сославшейся на нездоровье графине Дольской. Она уверяла, что чудесно отдохнула в тишине, а Варна ей совсем неинтересна — то ли дело Константинополь!

Вскоре после отплытия пассажиров пригласили к завтраку. Произвольная, кто как пожелает, рассадка за столами добавляла обществу непривычной свободы — и развлечения. Сегодня Шуховские оказались в компании графини Дольской и сопровождавшего ее Смольянинова. Отставной полковник был

молчалив и в общем разговоре не участвовал, только заботливо и немного неловко ухаживал за спутницей.

Лицо его казалось Александру знакомым и вызывало смутные неприятные ассоциации, что не добавляло симпатии. Он уже выяснил, что на Восточной войне они не пересекались и жил новый знакомый в Екатеринодаре, но избавиться от досадного навязчивого чувства не выходило.

Но сейчас Шуховской упрекнуть его не мог: у него тоже не было настроения на светские беседы, так что разговор вели дамы — ни к чему не обязывающий, светский и почти пустой. О погоде, путешествии, морских красотах и Варне. Судя по всему, графиня действительно бывала там раньше, во всяком случае, разговор поддерживала уверенно и вопросы задавала с пониманием.

Беседу прервали звон за столиком позади Шуховского, на который все обернулись, и раздраженный голос Геловани.

— Как можно при такой профессии иметь настолько кривые руки? — отчитал он стюарда, который, наливая вино, неуклюже смахнул бокал.

— Простите, сударь, — с каменным лицом коротко поклонился тот — молодой мужчина весьма привлекательной наружности. Голос был под стать: низкий, хорошо поставленный, с выразительной хрипотцой. Услышишь — вовек не забудешь. — Я немедленно все уберу.

— Такое вино расплескал, эх! — недовольно качнул головой князь.

— Все-таки он чрезмерно суров с юношей, — посетовала Агата, — вы не находите?

— Горячая южная кровь, — неодобрительно поморщился полковник.

— Анна Олеговна, все в порядке? — окликнула Шуховская графиню, которая замерла, опустив голову и глядя в стол перед собой с непонятным выражением лица.

— Да? — вздрогнула та, подняв взгляд. — Простите, я задумалась... О чем вы говорили?

— Заза Вахтангович слишком суров к этому юноше, он всего лишь разбил бокал, — пояснила Агата. — Говорят, грузины знают толк в вине, но уж слишком бурно он отреагировал... Да вы что-то побледнели, дорогая, вам нездоровится?

— Немного закружилась голова, — слабо улыбнулась графиня. — Простите, со мной порой случается.

— Вы слишком мало едите, — заметила Агата укоризненно. — Возьмите еще тарталетку, они чудесные и очень легкие...

— Благодарю, правда, все в порядке. — Улыбка стала живее. — Уже все прошло.

Однако до конца завтрака Дольская оставалась такой же рассеянной и отвечала невпопад, каждый раз вскидывала взгляд, когда кто-то заходил в салон, так что разговор быстро сошел на нет, а там она вовсе извинилась и первой ушла к себе в каюту. Смольянинов немедленно тоже отклонялся.

Вскоре после завтрака общество собралось на палубе у правого борта: совсем близко к «Княгине Ольге» шла стая дельфинов. Морские обитатели